Споры крестьян о земле, меже и не только

Рецензия на книгу: Гатилов Э. В. Липецкий уезд Тамбовской губернии в 1917–1927 гг.: землеустройство и поземельная конфликтность. Воронеж: Кварта, 2024. — 167 с. ISBN 978-5-89609-820-1

В. Б. Безгин

Владимир Борисович Безгин, доктор исторических наук, профессор кафедры «История и философия» Тамбовского государственного технического университета.
392000, Тамбов, ул. Советская, 106.
E-mail: vladyka62@mail.ru

EDN UPBHQO

Выход в свет книги Э. В. Гатилова стало еще одним свидетельством эвристических возможностей и научных достижений российского крестьяноведения. Очевидно и то, что монография вызвала заинтересованное обсуждение ее содержания специалистами в области аграрной истории. Такая реакция коллег вполне закономерна по причине того, что проблема крестьянского землеустройства периода 1917–1927 годов впервые изучена в парадигме исторической конфликтологии. Другая особенность рецензируемой работы заключается в том, что она выполнена на микроуровне, вопросы крестьянского землеустройства и поземельной конфликтности автор исследует на материалах Липецкого уезда Тамбовской губернии. По своим социально-экономическим характеристикам и природно-климатическим условиям данная территория являлась типичной для Центрально-Черноземного региона.

Обстоятельный историографический обзор проблемы, которым автор предварил основную часть исследования, позволяет читателю не только понять степень изученности вопроса, но и оценить научную актуальность и общественную значимость заявленной темы. По сути, в работе дан анализ процесса социалистического землеустройства и конфликтных ситуаций, возникавших в ходе его осуществления. Источниковая база исследования позволила специалисту «сформировать объективное представление о роли поземельной конфликтности в жизни липецкого крестьянства в период землеустроительных трансформаций 1917–1927 гг.» (с. 10).

Структура работы логична, а изложение выполнено хорошим стилем. Визуализация данных, представленных в схемах, графиках, рисунках, фрагментах карт и выкипоровок (которые вошли в При-

ложения), конкретизирует содержание, ход и результаты представленных примеров поземельной конфликтности.

Первая глава монографии, посвященная землеустройству крестьян липецкой деревни, начата с характеристики природно-климатических условий, численности крестьянского населения, состояния земельных, водных ресурсов и транспортной инфраструктуры. На основе анализа условий хозяйственной деятельности крестьянства автор приходит к выводу о том, что вопросы землеустройства занимали центральное место в жизни липецкой деревни (с. 16). Им установлены региональные особенности аграрного кризиса начала XX в., а еще, что более важно, выявлена хозяйственная практика адаптации местного крестьянства к экономическим реалиям. Одним из таких путей стала аренда земли крестьянами, наряду с активным процессом купли-продажи частных земель при участии как сельских обществ, так и отдельных домохозяйств. Обоснованной представляется оценка специалистом хода и результатов аграрной реформы в исследуемом регионе. В частности, он утверждает, что «в силу природных особенностей территорий (ландшафт, почвы, водные ресурсы) и социальной составляющей (сохранение общинной доминанты), столыпинское реформирование на территории Липецкого уезда за годы прохождения реформы не охватило значительного массива как надельных, так и вненадельных земель» (с. 22).

В отдельном разделе главы рассмотрен процесс землеустройства липецкой деревни в изучаемый период. Отмечено, что вся землеустроительная кампания 1918 года была направлена на распределение между крестьянами на основе уравнительной нормы земель бывших частных владельцев. Анализ статистических данных, проведенный автором, показал, что реализация этой задачи выявила множество проблем организационного, технического и кадрового порядка. Трудности создавали временный характер разверстки, отсутствие правовой базы и нормативного обеспечения землеустроительных работ (с. 35). Корректировка землеустройства и практики земельного распределения периода 1919–1920 годов существенного изменения в процесс не внесла. Свидетельство тому — рост недосева по причине недостатка семенного материала и отсутствия тягловой силы, а также увеличение (почти в 6 раз) площади бросовых земель в уезде в силу отдаленности выделенных участков (с. 41). Советское землеустройство в восстановительный период изучено Гатиловым на основе двух этапов этого процесса: 1921–1922 и 1923–1927 годов. Первый этап он связывает с законодательным закреплением многообразия форм землепользования и правовым регулированием земельных отношений, ориентированных на их устойчивый характер и твердые границы. Автор делает вывод, что обязательное землеустройство сформировало единый земельный фонд уезда и в большей части устранило межселенную чересполосность, а внутриселенные проблемы — дальноземелье

и чересполосица — были переданы для разрешения непосредственно в ведение сельских обществ и за их счет (с. 53). Землеустройство 1923–1927 годов в Липецком уезде, по мнению специалиста, характеризовалось: во-первых, расселением многодворных общин посредством выхода на поселки и выселки, землеустройством сельскохозяйственных товариществ, во-вторых, правовым оформлением закрепленных за пользователями земель. Обоснованным представляется вывод исследователя о том, что «в условиях восстановительного периода перейти на новые формы землепользования и системы севооборота было крайне затруднительно — липецкая деревня еще не восстановила своего потенциала» (с. 61).

Темой второй главы монографии стала проблема состояния крестьянских хозяйств и поземельной конфликтности в Липецком уезде 1917–1927 годов. Автором изучен процесс создания советских и коллективных хозяйств на территории уезда. Им выявлены трудности, возникшие при отводе земель созданным совхозам. А также установлен факт того, что фактическая площадь земли, использованная ими, была кратно меньшей, чем размер земли, отведенный советским хозяйствам по плану землеустройства. Лучше дело обстояло с землеотводом, организованным в этот период, сельскохозяйственным коммунам и артелям. В то же время, оценивая их экономическое состояние, автор, наряду с другими трудностями в хозяйственной деятельности, отмечает неурегулированность земельных вопросов и враждебное отношение местного населения (с. 68). В пользовании совхозов и колхозов Липецкого уезда на 1921 год находилось 8907 десятин, что составляло 4,4% от всех пахотных земель уезда (с. 72). Таким образом, коллективные хозяйства находились в зачаточном состоянии как с точки зрения входившего в них населения, так и с точки зрения объединенной в них земли.

Состояние крестьянских хозяйств уезда к 1922 году, т.е. к началу восстановительного периода, характеризовалось сокращением численности рабочего скота и низкой обеспеченностью сельскохозяйственным инвентарем. Общинное землепользование сохраняло ведущую роль в аграрном производстве, на пашню надельных земель приходилось 77,85% обложения единым сельскохозяйственным налогом (с. 75). По величине посева и наличию скота большинство крестьянских хозяйств уезда были маломощными. Так, по состоянию на 1923 год посев менее чем 3 десятин земли имели 58,7% хозяйств, 59,7% — были безлошадными, не содержали коров — 44% (с. 76). Главным препятствием в хозяйственном развитии, уничтожении дальноземелья и переходе на многополье была бедность крестьян. Положительная динамика, выразившаяся в росте рабочего скота и увеличении поголовья свиней, отмечена автором в 1926 году. На основе 688 анкет сдатчиков и съемщиков земли в Липецком уезде за 1926–1927 год ученый определил роль аренды в хозяйственной жизни села посредством установления состава трудовых ресурсов крестьянских семей, мотивов сдачи/аренды земли. Обос-

нован вывод автора о том, что для сдатчиков из беднейших слоев земля выступала компенсатором нехватки производственных факторов (рабочих рук, живого и мертвого инвентаря, хозяйственных построек), а для середняцких хозяйств — арендаторов, земля являлась необходимым, «базовым» элементом хозяйствования и ее аренда была мерой физического, хозяйственного и социального выживания (с. 84). Отметим, что данное наблюдение Гатилова органично вписывается в концепцию «моральной экономики» и «этики выживания» крестьяноведения.

Наиболее оригинальная часть монографии представлена исследователем в разделе «Поземельная конфликтность в хозяйственной жизни липецкой деревни». Решение столь непростой в познавательном плане задачи он логично начинает с классификации поземельной конфликтности и характеристики предмета изучения. Вполне исчерпывающей, раскрывающей суть явления представляется данная автором дефиниция. «Поземельный конфликт — это не просто спор о какой-то площади, о правообладании, это острая реакция, рефлексия на нарушение параметра жизнеобеспечения (включая нематериальные), в котором одна из сторон прибегла к активным действиям по обретению, восстановлению условий функционирования затронутого параметра и хозяйства в целом» (с. 85).

Исследователь дал классификацию поземельных конфликтов и установил причины их возникновения. На основе данных о движении спорных дел по волостям Липецкого уезда за 1917 — май 1923 года он определил, что доминирующими конфликтогенами в данный период являлись семейно-имущественные разделы и усадебные споры (с. 88). Волна семейных разделов в революционной деревне стала реакцией крестьянства на налоговую политику советского государства. Посредством анализа содержания земельных дел автор установил причины конфликтов, определил мотивы и аргументы сторон, выяснил принципы разрешения споров.

Отмечая неполноту статистических данных, автор констатирует высокий уровень поземельной конфликтности в регионе и утверждает, что «если на этапе 1917–1920 гг. ведущее место в них занимали межселенные конфликты, то в 1920-е гг. возобладали как раз внутриселенные» (с. 91). Гатилов детально разобрал суть спора между представителями Сошкинской волости Липецкого уезда (с. Сошки и д. Кривка) и гражданами с. Кривки и д. Анненки Дрязгинской волости Усманского уезда, длившегося пять лет. По его мнению, главной целью конфликта являлось правовое обеспечение стабильности хозяйственной деятельности, а важным мотивом была доступность земель как условия оптимизации трудовых затрат (с. 95). Обоснованным представляется вывод автора о том, что «введение в крестьянский оборот частновладельческих земель не исключило, а, напротив, активизировало деятельность сельских обществ по “оптимизации” землепользования, мотивированной как

хозяйственными, так и в не меньшей степени ментальными основаниями (по справедливости)» (с. 101).

По мнению автора, большая часть внутриселенных конфликтов приходилась на усадебные споры. Их число в Липецком узде, по данным за март-июль 1920 года, превышало количество дел, связанных с семейно-имущественным разделом (с. 104). Действительно, в 1920–1921 годах земельные отделы уисполкомов Тамбовской губернии оказались перегружены спорными делами о семейно-имущественных разделах и об урегулировании споров внутриобщинного землепользования и землеустройства[1]. Только в период с 1 декабря 1920 года по 20 мая 1921-го в подотдел землеустройства Тамбовского губисполкома поступило 680 жалоб крестьян о захвате огородов, садов и усадеб[2].

Земельный кодекс 1922 года передал разрешение спорных дел о разделе земельных угодий и имущества двора волостным земельным комиссиям. Усадебные участки уравнительным переделам, нарезкам, передвижкам без согласия их пользователей не подлежали. Садово-огородные участки изымались из переделов совсем. Споры по семейным разделам разрешались земельными комиссиями, не зарегистрированные в волисполкоме разделы хозяйств считались недействительными[3]. Таким образом, основанная на обычае практика регулирования вопросов землепользования в общине передавалась государству. Однако согласно «Инструкции о порядке участия сельских советов в разрешении земельных споров отдельных граждан», если земельные комиссии затруднялись в решении дел, им предоставлялось право привлекать к участию в них сельские советы тех селений, граждан которых эти споры касаются. На сельсоветы возлагалась обязанность освещения подробностей дела, а также предоставления заключения, как «было бы справедливо [!] его разрешить». В тех случаях, «когда сельсовет, ввиду запутанности дела, находит нужным сам в него вступить, в целях правильного освещения на суде и возможности правильного его разрешения, он может это сделать и без требования земельной комиссии, предоставив ей свое заключение по делу или выслав своего представителя»[4]. В этом выразилась потребность власти найти компромисс и установить связь между общиной и государством, обычаем и законом, между законом и справедливостью, т.е. решать земельные конфликты на основе правовых традиций российской деревни. К сожалению, утверждение автора о том, что нормы обычного права наряду с действующим законодательством выступали

1. *Безгин В. Б., Юдин А. Н.* (2011). Политика большевизма и судьба русской общины // Политика и общество. № 2(68). С. 86.
2. Сборник кодексов РСФСР. М., 1925. С. 203-204, 226-228.
3. *Безгин В. Б., Юдин А. Н.* Указ. соч. С. 86.
4. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 393. Оп. 43. Д. 18. Л. 11, 12.

правовой основой для решения спорных вопросов, не было подтверждено документальными источниками, например, решениями земельных обществ.

Анализ конфликтов между сельскими обществами и созданными коллективными хозяйствами показал, что в их разрешении советские органы управления порой руководствовались идеологическими установками (с. 120-122). Гатилов верно указал на значение принципа «справедливости» в возникновении спорных ситуаций при выходе из многодворных обществ на отруба, поселки, выселки. Природа конфликта проистекала из традиционного стремления общества сохранить равенство хозяйственных условий, поэтому даже потенциальные земельные преимущества выделенцев воспринимались крестьянским «миром» крайне болезненно (с. 126).

Выводы, к которым приходит автор в результате проведенного исследования, аргументированы и доказаны архивными документами, введенными в научный оборот впервые. Он обоснованно утверждает, что «увеличение количества субъектов поземельных отношений <...> при сохранении общинно-надельного землепользования, не снижали землеустроительной активности сельского населения, создавая благодатную почву для поземельной конфликтности» (с. 129). Не вызывает возражения заключение исследователя о том, что «крестьянский традиционализм вступал в конфликт с целеполаганием советского землеустройства — обеспечением роста производительности сельского хозяйства» (с. 129). Ценным в рецензируемом труде является то, что в нем исследованы актуальные и дискуссионные проблемы российского крестьяноведения, такие как хозяйственный уровень крестьянских дворов в послереволюционный период, судьба сельской общины в советской деревне, роль норм обычного права в повседневной жизни села доколхозной поры и многие другие. На наш взгляд, проблемное поле исследования следует дополнить изучением роли поколенческого фактора в поземельной конфликтности российского села. Можно предположить, что споры крестьян, связанные с поземельными отношениями, были отражением конфликта поколений в российской деревне первого советского десятилетия.

Peasant disputes over land, its division and other issues

Review of the book: Gatilov E. V. (2024) Lipetsk District of the Tambov Province in 1917–1927: Land Management and Land Conflicts, Voronezh: Kvarta, 167 p. ISBN 978-5-89609-820-1

Vladimir B. Bezgin, DSc (History), Professor, Department of History and Philosophy, Tambov State Technical University. Sovetskaya St., 106, Tambov, 392000, Russia. E-mail: vladyka62@mail.ru.